

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

22 1544

The image shows the front cover of an antique book. The cover is decorated with a traditional marbled paper pattern, featuring intricate, swirling designs in shades of dark brown, black, and cream. A vertical strip of dark, textured cloth or leather covers the spine on the left side. In the upper left corner, a rectangular, aged paper label is pasted, containing the handwritten number '22 1544' in a cursive script. The label is framed by a thin black border.

1544

S6.11

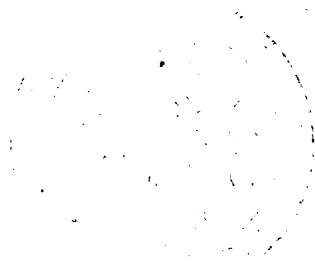
Slovenská knihovna

SLOVANSKÁ KNIHOVNA

3186186190

100674

Видання першого випуску здійснено у 1911

УКРАїнські казки.

Казки з народних повір'їв, оповідань

... 1911.

В ДРУКОВНИЦІ ПАНСЬКОГО

Якъ у насъ, якъ у насъ — пѣсьни да
ДІАЛОГЪ КЪ ВОЮЩИМЪ КАЗАКАМЪ:
Послушайте, добры люди, зъ вашей
ласкы.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

НАСЬКЫ

*Вручена
№ 28 89
11*

By S. S. Mezhov

УКРАИНСЬКЫ

№ 150+100

КАЗКЫ,

Podjanski Osi's Maximovic

ЗАПОРІЗЬЦЯ НСЬКА

МАТЕРЫНЬКЫ.

МОСКВА.

РОКУ 1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по оппечаташии пред-
опавлены были въ Ценсурный Комитетъ
три экземпляра. Москва, Окшавра 19 го
дня, 1834 года.

Ценсоръ А. Волдыревъ.

**МАТЕРИ МОЇ РИДНЕНЬКІН,
НЕНЬЦЪ СТАРЕНЬКІЙ ,
КОХАНІЙ , ЛЮБІЙ**

УКРАИНЪ.

— „Дывысь! Дывысь! Осѣсь й
наши зъ музыкамы! . . . Се що-сь
да не просте: або-жь весняля,
або-жь яка нѣмецька чудасія! За-
порожець зъ Казкамы! . . . Чы не
зъ неба оце, пане куме, винь до
насъ звалывся? Трохы, бацьця, на
ше похоже! Ишь шы й самъ, по-
здаровъ Боже, знаешъ, що у насъ
на Украинѣ давно-давно перевелыся
ци башьковы хлопци: шеперь ни-
где й духу ихъ не пахне . . . И
ошь-же, глянь, дывысь, хочъ въ

VIII

обое, що пуша въ письмѣ спойшы:
„Наськы казкы, Запорозьця Иська
Матырынкы.“ А що? Убий, якъ
кажущь-шо, да й выиграй! Умы
да й оженыся!... А говорашь лю-
ды, — я самъ, своимы ушыма, не
разъ чувъ —: „Чы чорпъ выдавъ,
щобъ вѣдьмидь щибешавъ?“ „Одже
щибече!“..... „Да ще якъ щибече?...
Все понаськы, понаськы! Слухай,
лышень, мій голубе сызый!... Ну,
ша шы въ школъ вчывся; бери да
чыпай на здоровячко! Свое, не чу-
жее! Не бійсь, не кыслыця, а, на
впрямъ, куды швоя годицьця зъ
сыромъ й паляныця!... Разъ по
пишь веріпаюсь назадъ, чыпшаю не
начыпшаюсь, гляжу не нагляджусь —
шаке ласе!... Дяковашь, багацько
дуже дяковашь, небожу Запорозьцю,

IX

що хочъ винъ за насъ оспупывся,
зъ домовыны видхвাপывся, на сей
свѣшъ ввалывся, ша й ну балака-
пы зъ жывымы якъ зъ мершвымы:
мовъ бы, кажы, николы не вми-
равъ! Мовъ мижъ своимы браша-
мы сыдышь въ купцьцѣ де-либудь въ
спену, розказуе, помы каша варыць-
ця, свою чередню Казку, або похо-
деньку, або яку небельцю, а шѣ —
ни гугу! Заслухалысь щепешанья
писля свого Козацького лешанья.
Ничого сказашъ: имъ и влося по-
шимъ лучче! А шамъ — впашь
за ше-жъ: часшесенько не зпям-
няцьця було, якъ й свѣшъ къ имъ
ззыкрадецьця А мы-жъ, мы? Що
робымо мы шенерь, дома й на госпо-
дѣ? Що мовяшь про насъ наши вну-
чаша? „Дѣды наши, — скажущъ

воны, — сыдѣлы собѣ, да шилькы гавы
 ловылы!...“ „Ошпакъ! За всѣ голо-
 вы!... Хыбажъ, оце, наша неня Украй-
 на шакъ зъ глазду зсунулась, що вже
 ни мешельци не потаньцюе, ни
 козачька зъ парубкомъ не прогар-
 цюе? Ой ни, чане куме, вона хоча
 й спаренька, да все шакы ще гешь-
 по мопорненька А дѣшны ии?
 Хыба й воны зледащили? Хыба
 воны забулы, якъ колы-сь весело
 бурлаковалы, хвацько козаковалы,
 въ Крыму й на Дону чумаковалы?
 Хыба мы й доси ще не згадуемо
 свого Батька Богдана,

Якъ Полицу винь, колы-сь, прощывъ,
 Де ни пймавъ Ляхивъ, — душывъ?

Якъ наши козаченькы всюды
 залицалысь: въ Волощынѣ, Туре-
 щынѣ, Нѣмецынѣ, Крыму, на Сы-

нимъ морѣ и по шимъ боцѣ моря,
 якъ шій свѣтлыи соколоцькы про-
 свѣщались? — Або й шеверъ, хы-
 ба вжебъ шо мы перевчлыся воє-
 вапы? Дарма, що въ шій пѣснѣ
 спѣваюць :

Давже шабли заржавѣлы,
 Мушкеты — безъ куркивъ! . . .

Слухай, що далѣ?

„А ще серце козацькее
 Не боицьця Туркивъ! . . .“

Бачъ? Не боицьця Туркивъ! Да
 не шилькы Туркивъ, й самого най-
 спаршого черша, Паве-браще! . . .
 Або, хыба шаки мы не хороше
 живемо? А де, лышень, знайдешъ,
 шы шакиі розманшыи пѣснѣи, що
 шилькы зачуетъ, шакъ серце шо-

ХІІ

бѣ ходоромъ ѣ заходышь, заплѣе,
замлѣе, серденька просыпшь. . . Та-
кую хлѣбъ-силъ, такихъ дѣвонѣкъ
ѣ парубяпшь? Де, на свѣпшь, шакъ
балакаюпшь? Нѣбы въ рощѣ шобѣ
кожне слово кладупшь. Де спилькы
казокъ, прыказокъ, загадокъ и
всякой всячыны? . . . Я вже мовчу
про нашу землю, про наши поля,
сады, лугы, сѣпы, рѣчки, про
наше збѣжьжя Що ѣ доси
нишо не схаменецьця, не гляне
да не подивыцьця на сее? Мій Бо-
же, Боже! Чымъ же мы прошко-
дылысь? Хыба - жѣ - шо вже у
насъ душа зъ лопуцька, не хоче
шого, чого ѣ людсьька? . . . Ни!
ни! Въ гостяхъ добре, якъ-шо
кажупшь, а дома-ще лучьче.

Чы, може, хочеша дождацца, щобъ
 якъй врагъ непруженный нашою
 башкивщиною поживыся? Насъ
 же да нашымъ же добромъ почаспо-
 вавъ? Улизъ у солону да ще й
 шельспынь? А, здаецця, неа-
 баромъ шее буде. Бо, що-сь, не
 передъ добромъ, якъ я бачу, сякы-
 шакы, немазаны хвершыкы шля-
 юцца часпесенько уже промижъ
 нами. Глядишь, лышень, щобъ
 воны зъ нашего жъ хверосцу да
 не загнули намъ якои чуденной кар-
 лючкы! Опгъ-шо-шо буде сорому-
 сорому, за всѣ головы сорому!..» (*)

(*) *Прим. Корректора.* Сими словами
 Панъ Голова намъкаешъ на нерадѣіе
 своихъ соошечесшвенниковъ къ собранію

Оштакъ , несшемешно , бала-
 кавъ у себе у господъ , зъ Выбор-
 нымъ , своимъ кумомъ , Варвынсь-
 кый голова, Дресько Таранука, кощо-
 рому я для прочтенья давъ ещѣ
 ци, якы ни евоны, / Казка, — компот
 мованья шоварыша и кума того,
 Запорозця Пелька Машырыкы. Де
 и що винъ теперь? сѣго вамъ я
 не скажу, бо й самъ не знаю; знаю,
 шилькы, що винъ, якъ бувъ собѣ
 непосыдачый, рокивъ тиешъ шому
 назадъ, дуже бажавъ якъ-нибудъ

и издавию Украинскихъ народностей.
 Сѣшованіе его, конечно, не безъ основанія;
 ибо легко можетъ случиться, что в
 адѣсь, какъ и во многихъ другихъ зе-
 млякъ, кто-нибудь изъ постороннихъ
 предупредишь ихъ на семь воприцѣ.

пробрацьця або за Дунай, або на
Тамань, якъ своимъ брашамъ, ко-
закамъ-орламъ. Одъ шого часу я
вже бильше ёго не бачывъ. Може
винъ де-нибудь и пануе, — дай-шо
ёму Боже! а може, козакъ — не-
вдаха, на чужынъ горюе, або якъ
забышый лёжыць,

На купынгъ головою,
Накрывъ очи муравою,
А ниженькы осокою,
Бѣлы ручки хустыною,
Ясне лычко кыпайкою;
Въ головонькахъ воронь крыче,
А въ ниженькахъ конькъ плаче!

Доходывся, доковаковався, покы-
шакы, якъ шой жовный лыспъ,
на землю звалывся; оженився, не-
бижъ, —

XVI

Да понявъ собѣ паняночку —
Въ чыспимъ полѣ земляночку :
Куды й вѣшеръ не вѣе
И сонце не грѣе
Безъ виконецъ и безъ дверецъ —
Тамъ спышь козакъ — молодець

Якъ бы шо ни було , чы живъ , чы
вмеръ винъ , а я , щобъ памяшь
ѣго не зусѣмъ слыла зъ свѣша ,
задумавъ выпечашапы , на первый
почынь , ци ѣго казкы ; а шамъ ,
колы воны прыйдуцьця понушру
нашому козацшву , — якъ Пану Го-
ловѣ , — выпечашаю ище дещо ѣго жъ
робопы . Правду мовышь , кумъ мій
ничого самъ на папиръ не клавъ ;
але булы добры люды , що вы-
слухавшы було его казанья , або
спѣванья , пислѣ шого записывали

Зыркъ пошимъ собѣ, — ажъ шаки
 гешь-шо, гешь виршованья ёго
 набралося! . . . Налагодывшысь оди-
 слашы Казкы въ печашню, довго
 я мудровавъ, дебъ мынѣ въ свѣ-
 поньку досшаны шой пачепортъ
 (якъ - шо водыцьця по воѣмъ усю-
 дамъ), щобъ, бува, якый-нибудь ца-
 рынный (*), не заспавывъ ихъ кры
 своей царыны глаголы чышаны,
 бо, якъ въ шій пѣснѣ спѣвають :

(*) *Примѣч. Корректора.* Можеть
 бышь, книга эша попадется въ руки и
 не - Малороссіянъ; для шаковыхъ
 считаємъ нужнымъ замѣнить, что
 царыною называющся въ Украинѣ сель-
 скіе шлагбаумы; лѣшомъ строишся око-
 ло ихъ шалашъ, въ кошоромъ кочуешъ,
 въ продолженіе всего лѣта, по боль-

ХVIII

Добре було да чумаковацѣ, поки всѣ-
ды було ривно,
А то вже черезъ пыи *патпорты* да й
ходышы не вильно... (*)

Воно бѣ й самому можна вымудру-
вашы що-нибудь похоже на паче-
поршыкъ, бо шакы й мы колысь
рокивъ зъ дванадцять попошерлы-
порогы въ Переясловскій Бурѣ,
и де-що розумѣлы, — да, признаць-
ця, вся ша дурныця, якъ прышлося
одружыцьця, дымомъ зъ козацкои

шей часши сшарикъ, имеуемый отъ
шого *царынкы*. Окъ смопришь,
чтобы всегда были заперты вороша,
чтобы скошь изъ селенія не бѣжалъ въ
хлѣба, и пр.

(*) См. *Укр. нар. пѣски*, изд. М. Макси-
мовичемъ, стр. 174, No 46.

XIX

ГОЛОВЫ вышла : вы самы знаете
що жонатый ,

Якъ той горщычокъ щербатый :
Зысподу кышыть , зверху збѣгае,
Де ни повернеця — добра не мае...

Така вже, мабушь, наша доля!.....
Разъ йдучы за однимъ дѣломъ до
свого кума, Пана Головы, я ще
въ сѣняхъ зачувъ, що мій Лесько
що-то дуже зъ кимъ-сь розбала-
кався: опъ я й ну на пидслухы
(щожъ? и се, инколы, не ва-
дышь!...), — ша й выслухавъ все
це, що оп-шущь попередъ сѣго напы-
савъ . . . на чію-шо голову? . . .
Чы воно добре, чы ни, про ше пись-
менны нехай шямляшь. Яжъ шыль-
кы прымовляюсь шуша, що колы
буде чія ласка, чытайте, на-

XX

бильше , шеперь , выбачайше ; а
лучче всёго , на чужый коровай ,
якъ-шо кажушь , очей не порывай
а свій дбай. . . .

І. В.

М. Варва.

1834.

КАЗКА

ПРО ЦАРНЕВЪ САДЪ ДА ЖЫВУЮ

СУНИЛОЧКУ.

Лучше свое лапане, вижь чужее
хвалане.

Чуже добро божемъ кылъве . . .

Якъ живы собѣ Царь да Царыця,
Да не було у ихъ дышей,
Опъ, бѣдныи, и ну журыщя,
Давай пынаны знахорей:
»Скажишь намъ, добры люде,
Чы, справди, въ насъ не буде
До вѣку вѣчного дѣшокъ?
Чы, може, шилькы се на срокъ . . .
—»Не бѣдайпесь!» имъ дѣдъ говорышь,
»Царыця швыдко - худо родышь,
Царевъ бацьку прѣхъ сынивъ:
Изъ ихъ два будущъ розумъ мѣшы,
А претій, — нѣгде правды дѣшы, —

Що жъ? дурень! шакъ, бачъ, Бигъ судывь!...
 Якъ винъ сказавъ, шакъ и зробылось :
 До року пры сыны родылось ;
 Роступъ, нибы зъ воды идупъ,
 Де, въ Бога, сылу шу берупъ . . .
 Не шакъ якъ мы ростемъ годамы ;
 Воны — не днямы, а часама :
 Ще вчора кожний бувъ хлопя,
 Сёгодня глянь — хороший парубя.
 Якъ выхоръ шай по полю прецьця —
 Куды сирѣло, куды брыло :
 Такъ кожний зъ ихъ, якъ розсвѣло —
 За зайцемъ на конѣ мессецця ;
 Або заглядѣвъ дычыну, —
 Повзкомъ, повзкомъ, ша зразу — гу!...
 Не пе — зъ дѣвчашама пуспуе,
 Умѣспѣ зъ нымы пѣсьми шне,
 На досвѣшкаль загады гне ;
 А дурень? — Крейдою маглое,
 Знай, конькы все на печѣ,
 Або изъ жыца робышь греблю,
 Або, копящъ, вамъ, шовчучы,
 Якъ зъ неба вгрѣцьця объ землю!...

Въ Царя бувъ дуже гарный садъ ;
 Внѣ бильше всего нымъ кохався
 И бильше всего велывався ;
 Та й прыбранный бо бувъ гараздъ !
 Тамъ яблука росли и глывы ,
 И Шпанськы ягоды , и сливы ,
 И хвыгы , виноградъ , орѣхъ ,
 И опельсыны , и калына ;
 Черемха , дули и малына ;
 Та хто ихъ въ Бога счылмыть всѣхъ ?
 Поричкы , агрусь и суныця ,
 И вышни прыдцянны сорпивъ ,
 Шовковыця и полуныця ;
 А скільки всюды ихъ цвѣтивъ !
 Кануперъ , мняша и нагидкы ,
 И крученны панычи ;
 Зинзиверъ , царськы боридкы ,
 Що розцвѣшають у ночи ,
 Оксамышъ , гвѣныкы , любиснока ,
 Нечосы - панночкы цвѣты ,
 Биждереве и козий лыспыкъ ,
 Зъ барвинкомъ слався по землѣ ;
 Тамъ красовався чернобрывецъ ,

Жовпогарячый рись гвоздыкъ,
 Цвѣтъ Королёвый — гордылицецъ,
 Бузокъ и чоловчій вѣкъ;
 Пивонія и конвалія,
 Троянда, руна и шевлія;
 А пшашокъ, пшашокъ на гилькахъ!
 Мій Божоньку! — поглянуть спрахъ!
 На ѓдному чмжъ, щыголь снѣваюць,
 Тамъ соловейко голосыць;
 Тупъ канарейка верещыць,
 А шамъ грама свою кругляюць!
 Угору жайворонокъ вѣщяць,
 Ось орлыца по мылимъ бѣщяць,
 Тупъ пуганъ и зъ своимъ — пугу!
 А шамычкы бугай — бугу!
 Зозуля жалибно коває,
 По грядкамъ павѣ похомае,
 Нихшо у садъ шей не ходывъ,
 Опречь Царя; копрый водывъ,
 И по въ ряды-годы, Царицю;
 Тоди, бувало, роспеломъ,
 Якъ снѣгъ шой блѣу снаперницю,
 Сѣго, щого имъ принесушь

(Свою щобъ пидкрѣпышы душку) :
 Смешаны , пирожкивъ , яецъ ,
 И меду золотый корець ,
 Родзынкивъ , ягидь на закуску .
 Часпенько Царь шупть оддыхавъ
 Прыпавъ Царыцъ на колѣнця ,
 Тыхесенько винь засыпавъ ;
 Се бачывшы , поди цариця ,
 Плапочокъ въ бѣлы ручки взявъ ,
 Нымъ мухъ одъ ёго одганяла ,
 Або ёму головку ськяла ;
 Короче : саду , вамъ , шому
 Немае ривни и въ Крыму :
 Ёго ни здумашъ , ни згадашы ,
 Не шилькы въ казыцъ розказашы

И що жъ ? Де ни визьмысь кабанъ ;
 Зыркъ — въ садъ опивничъ чымчкыуе ! . . .
 Поглянешъ враньци : садъ — майданъ !
 Не мовь бы сонню лѣль нуспуге ! . . . !
 „Хто кабана шого убье
 (Було объявлено усюды)
 Тому пивъ-царства Царь дае

И первымъ по Царевъ буде.»
 Сперва охошныкивъ нашлось ;
 Пишлы—даба ! не удалось !
 Не те , щобъ ничною порою
 Кабанъ уже въ саду не рывъ , —
 Ни ! наши сдяшь ! Мовъ ихъ рукою
 Хто , справи , мершвою обвивъ !
 И скилькы въ садъ цой ни ходылы ,
 А кожый день , вамъ , ше-жь якъ ше жъ !
 Що пшута шы робышь почнешъ ?
 Опъ , накинецъ , Царя просылы .
 Два спаршмы ёго сыны ,
 Щобъ имъ у садъ пишы дозвольтъ ;
 Царь думавъ , думавъ , ша й увольтъ !...
 Помырковавшыся одны ,
 Въ походъ мерщише знаядылысь ;
 Але , сердягы , якъ ни былысь ,
 А кабана шаки й воны ,
 Не шилькы , щобъ ёго убышы , —
 Не довелося й поглядъшы !
 Опъ дурень нанеслѣдокъ спавъ
 Просыщця въ садъ : «Гай-гай , небоже!»
 Царь , смѣючысь , ёму сказавъ

«Куды тагы побѣ? . . . А може! . . .
 Пуспишь! не хай ёго иде! . . .»
 Пишовъ нашъ дурень: жде - пожде;
 Вже пивничъ опть: вниъ не дримае;
 Колы, ажъ ось — кабанъ чухрае . . .
 Тыхисинько шась-шась, хрюкъ-хрюкъ! . . .
 И шильки зъ дурнемъ поривнявся,
 Якъ пой, хвашывъ ружныцо, — нукъ! . . .
 Кабанъ предъ нымъ такъ й розпла-
 шався! . . .

Тушь дурень вспавъ, разъ-два зглянувъ,
 На землю сивъ собѣ кры ёго,
 Та незабаромъ писля того,
 На безголовячко, й заснувъ
 Опть спаршый брапть къ ёму прыйшовшы,
 И спячого ёго найшовшы,
 Одъ разу — хряпть, да шильки й живъ! . . .
 И добру вырывшы могылу,
 Чыспесенько ёго зарывъ,
 А памъ запрѣгшы въ визь кобылу,
 Звалывъ на неи кабана,
 И прямо къ бапцьковѣ въ будынкы . . .
 Царь вѣру нявъ, и - все, до дна,

Общане , до волосынкы ,
 Оддавъ ёму

Проходишь день, другой, недѣля,
 А шамъ лице — опъ спало двѣ;
 Въ брашеубійныка — весилья . . .
 А дурня , охъ ! забуды всѣ ! . . .
 И щилкы бѣ-шо ёго могыла
 (Якъ въ щій сцѣваюшь пѣсьнѣ намъ) ,
 У подѣ зъ выпромъ говорила ! . . .
 Опъ разъ , коды-сь , вивчарыкъ шамъ,
 Вечирнѣи поры икъ рѣщыцѣ ,
 Свои гнавъ наповашы вивьци :
 Гулькѣ на могылу — ажъ споншь
 Высокая очерешына ,
 Пряма якъ ша въ бору соснына ;
 Винъ къ ій шуды , да зразу — хвипъ ! . . .
 Попимъ обчыспывшы гарненько ,
 Супилочку скомпоновавъ
 И опъ , ушершысь чывурненько ,
 Винъ шилкы що на ій загравъ , —
 Якъ шалъ и спала промовляшы ,
 Скрызь слѣзы такъ ёго прохашы :

Да по малу-малу, вивчарьку, грай!
 Да не вразь жого ты сердечка вкрай.
 Пры саду-саду, братъ мена авыгъ,
 За того, кабана, що въ саду рыви!

Осповбенѣвъ вивчарь - небижъ!
 Незна, сердечный, що чыныны,
 Кому бы ни давъ въ им свѣщныцы,
 Слова шобъ все шѣжъ якъ шѣжъ!
 Тоди подумавъ, погадавыны,
 Поплився зъ нею и къ Царю,
 И слугамъ объ собѣ сказавшы
 Прохавъ дозволышь вивчарю —
 Предснать предъ ёго свѣщны очи;
 А шѣ ёму — пождашь до ночи
 Видмовылы: „Бо, бачъ, нема
 Царя у себе у господѣ:
 Де-сь зъ ранку взынь на охотѣ, —
 Царыця зоспалась сама.“
 — Пустипишь же, хочъ, мене къ Царыцѣ:
 Нехай загра на сій супилцѣ,
 А шамъ за шѣмъ прыде и Царь. . . .

Такъ слугамъ говорывъ ввечарь.
 Царыця гордосшы не знала;
 «Введишь ёго» — сказала — «къ най!»
 Опъ прыпулыла нкъ губкамъ,
 А шая ій шакъ й заспѣвала :

*«Да по малу-малу, матусеяко, зрай!»
 Да не вразы мого ты серденька окрай,
 Пры саду-саду братъ меке вбыць,
 За того кабана, що въ саду рыць!»...*

Задумалася після сёго
 Царыця, и пыща: „Про кого
 Вона, оцце, мыць шакъ грае? ..“
 На пору шу Царь знагодывсь;
 „Ну, одже, добре, що лучывсь!
 Ось на, лышень! що заспѣвае
 Тобъ супилочка оця!“
 — „Ке, галонько, и подивлюся!“
 „Охъ, серденько, я що-сь боюся . . .
 Така сумна, що й доси я“

*«Да помалу-малу, мій батеньку, грай!
Да не вразы мого, ты, серденька вкрай!*

*При саду-саду братъ мене вбывъ,
За того кабана, що въ саду рывъ!...»*

«— Э, глянь же! Батьку ёго прясъця!....
Тупь, мабуть, що-сь таке та е!
Хопълось бы мынъ дизаця,
Чы шо чуже, чы шо свое! . . .
А ну, заграй ище ты, сынку!»
Винь спаршому проговорывъ;
Того цыганський пипъ схвапывъ,
Не спямывся, якъ й взявъ супилку: . . .

*«Да помалу-малу, мій братику, грай!
Дане вразы мого, ты, серденька вкрай!*

*При саду-саду ты-жъ мене вбывъ,
За того кабана, що въ саду рывъ?...»*

Ще винь не вспѣвъ всѣго дограпы, —
Запрясъся якъ осыный лысть;
Куды дѣвався пой и хысть! . . .
«Ряпуй!... и — брязнувсь середъ хашы!..»

Дѣшвора, жинка, машы — въ крыкъ! . . .
 Къ ёму — ажъ коломъ снавъ языкъ! . . .
 Годи всѣ заразы догадались,
 Одъ чого винъ шакъ худко павъ;
 «Опъ, бачъ! Хочъ пизно,» — Царь ска-
 завъ, —
 «А все шакы мы розквыпалысь! . . .
 Не плачыте жъ! Годи!.. Жинко! Гешъ!..
 Поганому — погана й смерть! . . .»

КАЗКА

ПРО ДУРНЯ ДА ЁГО КОНЯ :

**СРЯВНА ШЕРСТЫНКА, ЗОЛОТА ШЕР-
СТЫНКА.**

Әге! Не веѣмъ же въ дурна ѣ вдацьца!...

Колы-сь, давно, живъ чловѣкъ ;
А якъ давно ? Щобъ не збрешашы,
Тому проходишь сѣмый вѣкъ ;
Жывъ-живъ, прышлося умирашы.
Винъ, якъ и мы, бувъ Хрысціянынь,
Тыи жъ церкви шырый сынъ ;
Дакъ, опъ, передъ смертельнымъ часомъ,
Винъ одсоборовавшыся масломъ,
Трѣхъ пидзыва къ собѣ сынивь :
«Послухайте мене, лышь, дѣпы !
Якъ вже не спане въ мене слывъ,
Глядѣшь, гарненько зхоронише ;
Теперь ничого не даю,
А вмершы, васъ я обдѣлю ;
Але изъ уговоромъ преба :

Якъ злѣзе ничъ на землю зъ нѣба ,
 Вы почередно ико мнѣ
 Тоди прыходьше на могылу ;
 Да пилькы щобъ булы одни , —
 И шамъ вамъ дамъ богапспво, сылу«....
 Сказавъ, хропнувъ и — бувъ пакый!
 Сыны (разумныхъ два, якъ всюды ,
 Одынъ, а вжежь не якъ! — дурный!)
 Якъ всѣ къ имъ изійшлыся люды ,
 Сховалы шапуея своего ,
 И спалы думашъ про ёго
 Послѣдню вожо : що печаты?
 Давай шупъ дурныка прохашы,
 Щобъ къ башьку винъ пишовъ за ихъ.
 «Ишь шы ничогонько не маешъ?
 А въ нашихъ жиночокъ одныхъ
 Чого , скажы , не насчышаешъ?
 Щобъ башько шамъ илюбъ ни давъ —
 Твое, бо шы ёго деспавъ!»
 Такъ дурня - шо воны прокалы ,
 Покры, шакры, ёго вблагалы
 Опъ череду уже женушь :
 Спары , малы къ їй выбѣгають ;

Коровы да быкы ревуць ,
 Теляць дѣвчаша розлучаюць ;
 Опъ зъ поля йдуць гуршомъ женьци
 За нѣмы косари , гребци ;
 Опъ въ хапахъ всюды засвѣпылы ;
 На улыцю повыходылы
 Дѣвоцькы, хлопци, парубкы:
 Пускуюць , по жаршуюць въ волю ,
 Знимаюць зъ мылыхъ спречечкы ,
 Говоряць , шенчуть мижъ собою ;
 Прыпыхнуць , впяць заголосяць ;
 Всѣ парамы шобѣ сыдяць .
 «Ану , пора ! Ты опизнывся !
 Гляды : онъ мѣсяць якъ пидбывся!»
 Вспавъ дурень , спрепенувсь , пишовъ ;
 Замовкло всюды , ни шышырхне ;
 Затыхъ дѣвоцькый перезовъ ,
 Хыба-по де-не-де що пыкне
 Опъ винь на кладбыще прыцливсь :
 На креспъ головою схылывсь ;
 Кругомъ-могылы бованіюць , —
 Въ могылахъ-пшій жь люды плѣюць ;
 «Татусеньку ! опъ одъ-же й я!»

— «Э! дуже добре, сынку, робышь!
 Да, бацьця, черидь не швоя,
 Ты не за себе се прыходышь:
 Бигь буде имь за те судышь,
 Що не схопѣлы навѣсшышь . . .
 Ну, слухай же, моя дытына!
 Телерь пы въ свѣштъ сыропына;
 Я надѣлю тебе за все;
 Ты чувь: покирнее пелятко,
 Якъ кажуть-то, двѣ машкы ссе;
 Даю пры волосыны, сарденяшко,
 Оцци побѣ: ихъ бережы;
 Якъ преба буде, прыпалы —
 И спане кинь передь тобою,
 То зь срибною, то зь золоною
 Шерспынкою: шупь гране громь,
 А пы влизь въ праве ухо ёго,
 И въ лѣве — выйдешь Королёмь;
 Що забажашь — буде всёго;
 Гляды жь мене не забувай!
 Теперь, мій сыноньку, прощай!«
 Сказавь — и мовь-бы не бувало! . . .
 Опть незабаромь розсвѣпало:

Изъ досвѣшокъ дѣвчаша шлы ;
 Вивчарь гнавъ череду безъ-лику ;
 По полю бжолы, знай, гулы ;
 Крычалы пѣвни кукурику ! . . .
 Пиднявся дурень , ша й побривъ
 Въ господу ; кры ворингъ зоспрѣвъ
 Ёго брагъ старшый , и пышае :
 «Що ! якъ?» А винь, мовъ-бы не знае,
 Попливсь собъ у хашу

Се дѣялося пры Царь ,
 Копорого , гешь - гешь , будынкы
 Сшоялы на крупій горь ,
 А въ ихъ, и шилькы бь-шо дыпынкы, —
 Одна дочка ; сыннвъ — Бигъ мавъ !
 Хочь винь якъ раю ихъ бажавъ ;
 Эге ! дочка ! да ще якая ?
 Хороша якъ шпронда шая ;
 Лице — що сонечко нивое ! . . .
 Губкы якъ медь солодкы ;
 Очыци карыи въ нее ,
 Дугою надъ нумы бровонькы ;
 Прямый пополѣвый спанокъ ,
 И соловейка голосокъ ;

А кучери по плечямъ вьюцця —
 То ризно, вкупечку зберуцця. . . .
 Сямнадцятна шеперь весна
 Одъ роду нашій шла Царивнѣ;
 Багаццю свашалось — вона
 По гарбузу имъ, бо неривни.
 Опъ Царь поспавышь сповбъ велѣвъ;
 На нѣмъ Царивну посадывъ:
 »Хпц видьсця ии доспане,
 Той шупъ-же жельхомъ ий спане!
 А сповбъ высокій, гешь-куды!
 Ёго изъ мрамору зробылы,
 И обявылы, щобъ шуды
 Веъ лыцари попрыздылы.
 Де въ Бога шой народъ набравсь!
 Немовъ базарь розмашовавсь:
 И шѣснява, и гукъ, и драча!
 Крыкъ, гвалпъ! Такая несшояча! . . .
 Тоди два спаршны брашы
 Пишлы дывыцця изъ жинкамы;
 А дурень — ножь. . . . »Куды-шо пы?
 —»Да, бачь, въ березняжъ за грыбамы!« —
 Зайшовшы въ лѣсь у гущину, —

Шершынку прыпальць одну —
 И кинь явивсь; немовь-бы зь неба!
 «Що Пановъ моёму треба?»
 Тупь дурень въ праве уха влизь —
 И, зразу, Королёмъ зробився;
 Скикъ на коня; а шой — понись . . .
 Де треба, духомъ опынвися . . .
 Глядыць, а Лыцари кругомъ
 Гарцююць, знай, передь сповбомъ;
 Розбѣгшыся, чимъ дужь пидскочуць,
 А все Царивны не доскочуць . . .
 Той розлепѣвшысь объ-земь-брыкъ!
 Той головою въ сповбъ огрѣвся;
 Той навзнычь-лясь! чепвертый-зыркь!
 Якъ снись шой изь коня зкопывся!..
 Тупь Лыцарь нашъ, де ни визьмысь,
 Якъ шой орель къ сповбу изыввсь!
 Царивну-хвась въ обы-двѣ руки!
 Цмокъ! цмокъ ии въ гарячы губкы!
 Вона жъ — шыць першынъ золопый
 Ёму на палець, и сказала:
 «Теперь мынѣ шы не чужый!»
 И пылно въ вичи заглядала . . .

А опть кинь ихъ къ Царю прымчавъ:
 Легесенько Царивну знявъ,
 Поклонъ на всѣ чопыри боки,
 Да вспремня скикъ, скорый надскокы!...

»Опть шобъ на! Ловишь! Ловишь!...«
 Всѣ разомъ въ голосъ загукалы;
 Тупъ де-якы за нымъ у-слѣдъ
 Бѣжяшь.... бѣжяшь.... ша не догналы!...

На другой день Царь розыславъ
 За Лыцаремъ слугъ на вздогону,
 И кожну хашу приказавъ
 Оглядовашъ не те — дашъ гону!...
 »На пальцѣ перспынь буде машъ,
 Весь золопый — ёго не зняшь!«
 Розсыпалысь воны, лѣпаюушь;
 Ни ѓдного двору не мынаюушь;
 Опть къ шрѣмъ брашамъ воны прышлы, —
 Усѣ имъ пальци оглядѣлы:
 Шожъ? Якъ? — У дурня изнайшлы!
 Сердечнымъ попорочылы!

Але , бачь : ничого робыць ;
 Пишлы Царевъ доложыць ;
 А Царь дочку велѣвъ позваны
 И — молодого показаны :
 Царивна въ плачь : »Цурь ! Пекъ ёму !...
 Зиспанусь дѣвкою довѣку !
 Нехай не буду никому ,
 Нижь мужомъ маць сѣго калику !«
 — »Ой , доню , ни !« — Царь ий сказавъ ;
 »Винь швйй , бо самъ тебе доспавъ ;
 Не рюмай же ! Такая доля !
 На все е , певно , Божа воля !
 Гоповся завпра икъ вѣвню !
 Дѣвычъ-вечирь сѣгодня буде ;
 Позвапъ швыдчйй музыку всю !
 Да щобъ збиралыся и люде !«

Давно день къ вечору звернувъ .
 Опъ ничь покрыла всѣ дороги ;
 На небѣ мѣсяць , опъ , нырнувъ . . . :
 Опъ выспавывъ зъ-за хмары рогы . . .
 Зиркы , те й дѣло , що юляпъ :
 Покажуцьця , ша въ хмары впапъ ;

Не мовъ бы вамъ у самимъ дѣлѣ,
 Дразнылы пѣхъ, що на весилѣмъ:
 Якъ мѣсяць, — шежъ и молоды —
 Сюды - шуды: воны заглянушь;
 Якъ зиронькы, — шежъ й дѣвонькы —
 То защебечушь, переспанушь,
 То впяшь почнушь, шо впяшь мовчати.
 Теперъ воны собѣ сыдяшь
 За короваемъ, и спѣваюшь!
 Бо выльце вышы починоюшь:

Поможы намъ, Боже!
 Дыши оддаваши;
 Поможы намъ, Боже!
 Вылечкы почашы.
 Нихшо не вгадае,
 Що на выльцахъ зле;
 Золошы корни, верхи;
 Срибны льдешочки
 Безъ вѣшперка маюшь,
 Безъ сонечка зяюшь. . .

Выйды наша, Пани, погляды,
 Чи хороши вылечкы извылы;
 Колы нехороши — розирвемъ:
 Мы шобѣ кращи изовьемъ!“ . . .

Ничого! наша молода
 Мовчынсь, горюе якъ бѣда! . . .
 И опъ подругы впяшь спѣваюшь;
 Такъ їй словами промовляюшь:

ПЕРВЫЙ РЯДЪ:

„Не сыды, Панно, бокомъ!
 Се-жь шобъ не-нарокомъ;
 Прысунься блызенько,
 Дывись хорошенько!“

ДРУГОЙ РЯДЪ:

„Не плачь, небого!
 Що йдешъ за ёго:
 Нехай, лышь, плаче вить, . . .“
 Що бере лыхо въ двирь. . . .

Але, якъ пѣсень ни шялы,
 А молодой не могли

Ни принычки розвеселышы :

Да й якъ, шаки, зъ нелюбомъ жышы ?

Зъ нелюбомъ ни поговорышь ,

Ни долею зъ нымъ подвлыщця ,

Ни серцемъ къ серцю потушышь ,

Не-хопя въ вичи заглядѣщця ;

Що день, що часъ, въ господѣ-громъ,

А шупть - все пиде вамъ гайномъ. . . .

«Ой ни! швыдчій писокъ изыйде ,

Нижъ за нелюбомъ счастья прыйде!...“

Такъ говорила у викиа

Зъ собою наша молодая !

Теперь вона споишь одна ,

Якъ на полѣ былынка шая ;

Всѣ розійшысь , все вклатось спать ;

Нигде ничего не чувашъ ;

И шильки бѣ - шо козацьке сонце

Глядѣло зъ неба у виконце.

Ошъ!... цыпъ!... Не-мовъ-бы шушышь

що-сь !

Не-мовъ-бы орлыця горкуе !

Цссс ! . . . ошъ луною роздалось !

Ошъ що-сь не-мовъ-бы-шо сумуе !

„Кохавъ мене башько, якъ бѣду шополю:
Ой оддала мене машы въ шяжкую неволю!

Ой машы, машы! що шы гадала,
Що за нелюба за-мижъ оддарала?...

Десь шы мене, машы, въ барвинку купала,
Купаючы проклянала, щобъ доли не мала.

Ой машы и пр.

Десь шы мене, машы, на мѣспѣ купыла,
Що шы мене, моя машы, на вѣки вшюкыла.

Ой машы и пр.

Лучьче жъ мынѣ, машы, шяжкый камень
вняшы,

А нижъ мынѣ изъ нелюбомъ да вѣкъ коро-
пашы.

Ой машы и пр.

Лучьче жъ мынѣ, машы, гарячъ камень ѣспы,
А нижъ мынѣ изъ нелюбомъ вецерашы сѣспы...

Ой машы и пр.

Ни свѣтъ, въ недѣлю, ни зоря,
 Дружко у компану заглянувъ:
 Все пусто. . . . а къ вѣнцу пора, —
 Да молодой якъ въ воду канувъ! . . .
 Де винъ? куды и якъ дѣвався?
 Пропавъ и слѣдъ! . . . весь двирь пиднявся . . .
 Царю, Царыцѣ доложили,
 Що молодого упустили.
 Якъ ни було бь, а хочъ и Царь,
 Хочъ у ёго всёго доспанню, —
 Але шакы прыпасу жаль,
 Жаль, дуже жаль! все пиде марно! . . .
 А якъ-шо хороше були,
 Усь зибрались погуляти!
 Весилья бь бучне упяли;
 Якъ спали бь шпuky выкидаши! . . .
 Теперь заразы весь ладъ пропавъ;
 Нибы мерпвецъ на шпиль увавъ! . . .
 Гай-гай! шы пее та онее,
 А Бигъ зусьмъ побь другее! . . .
 Колы, осѣ-сь орломъ лепышь
 Удвирь нашъ Лыцарь, и крычышь:
 «Добры-день вамъ, мои Панове!»

А що, чы все у вась гопове?
 Де мылая, кажишь, моя?
 Мабушь, бѣднессенька, горюе?..“
 Царыця, Царь и вся ридня
 Выходяшь — винь ихъ веѣхъ цѣлуе;
 За нымы жь шупа на крыльце
 Й Царивна зь нянькою иде:
 Вона ничогонько не знала, —
 А шильки—зыркь! — шакъ къ ёму й
 пала. . .

Ой якъ же мицно обнима!
 Ой якъ же цупко рученькамы
 До серця свого прыгорпа!
 Своимы карымы очамы
 Якъ пылно-шо ёму глядышь!
 Голубонька! якъ лыспь дрыжышь! . . .
 Глянъ — рученькамы обвылыся!
 Въ губонькы губкамы выплыся! . . .

Опшупь-шо вже й-къ вѣнцю пицлы;
 Передь пресполомъ Божымъ спшала,
 Тры разы кругомъ обвелы,
 На вѣкы ручки имъ звязалы. . . .
 И, опть, вершаюцьця назадъ:

Старый и малый весилью радъ;
Музыки пѣсьни имъ играюшь,
А жиночки собѣ спѣваюшь:

„Ой машы, машы, мащы шарая!
Лешышь голубка въ щедлого края:
Накрывай шполы ковраны;
Не саму йду — въ друженьками.

Ой машинко-ушко!
Ворочайся хупко;
Сонечко вызенко,
Дружечки близенько! . . . “

Пошимъ велькый бувъ бенкетъ:
Всѣхъ щырымъ сердцемъ Царь прѣймае;
Паны пылы наливку, медь,
Народъ горѣлочку круглае. . . .

И я тамъ бувъ;
И медь я дувъ:
По бородѣ стекло,
Да въ рошѣ не було! . . .

КАЗКА

**ПРО МАЛЕСЕНЬКОГО ЙВАСЯ, ЗМІЮ,
ДОЧКУ ІН ОЛЕСІЮ ТА ЗАДНИХЪ
ГУСЕНЯТЪ.**

Хоть мале, да уловаше . . . :

Якъ живъ собѣ дѣдъ да бабуся,
И мавсь у ихъ одынь сынокъ:
Винь звався проспо Ивашокъ;
Першь всёго за ёго прыймуся.
Винь любая дышына бувъ,
Така, що ще нигде й нечувъ . .
Сыдышь собѣ, знай, все пыхенько;
Никого пальцемъ не поркне;
Глядышь у ложку — не змыгне;
Чы ѣспь, чы пье — все чыпурненько...
Мы жъ дышмы — бѣгаемъ, крычымъ:
Зимою грындржола шащымъ,
Або громакъ, або санчяша,
Щобъ спрѣлкою зъ горы лешѣшь;
Або — маршь кучкою глядѣшь,
Якъ въ боки вѣѣлыся хлопята!
А якъ овсянка — чыркъ пидъ нись:
„Покынь санкы, берысь за визь!“

Чужы дѣшвора , власно мухы ,
 На двирь лепяшь попустовашь ;
 Давай въ ошукы , швайку грашь !
 Гешь чобопы ! Гешь и кожухы !
 Гушь гылкы , каша , городокъ ,
 Хшо до пачивь , хшо до цурокъ ,
 Хшо булку въ дучечку ганяе ,
 Хшо у крагли , хшо у лозу ,
 Хшо въ шрояна , хшо у мешу ,
 Хшо въ хрещыкъ зь дѣвонькамы грае .
 Обѣдапы хочь не просы
 Прыспалы мовь-бы до косы !
 Глядышь — у пужьмиркы розбѣглись
 По цѣлому шобѣ селѣ ;
 Тѣ одѣ джгуша нибы въ огнѣ ;
 Тѣ въ пѣсну бабу заходьмысь ;
 Тѣ въ гуркала , шѣ въ маршалкы ,
 Тѣ въ кремняхы , а де-якы
 Колодязь ножыкомъ копаюшь ;
 Тѣ въ горю-дуба , у гусей :
 Опѣ вовкъ , зикрався до дѣшей
 А тѣи сонце запускаюшь !
 Увисинь шая-жѣ пѣсьня впаць :

До скобзалки , да до санчяпъ . . .

Инакъ зусъмъ рись , годовався
 Нашъ Ивашокъ : винъ шилькы й знавъ
 Смелпанку , молочко вбиравъ ,
 Да въ човнѣ зъ шапомъ просвѣщався ;
 Бо змалечку прывыкъ къ водѣ :
 Частписинько ночей по двѣ
 И вспавъ и лигъ собѣ у човнѣ ;
 Колы не зъ удкою , зъ сачкомъ ,
 Дакъ зъ вершою , изъ яширкохъ ,
 А шамъ въ господу й ѣде вповнѣ . . .
 Такъ винъ день за день жыѣ да жыѣ ,
 Никуды зъ хапы не ходыѣ ,
 Опричь , якъ я казавъ , ловышы ,
 Сперва овсяночку , а шамъ
 Давався знацьця й плипочкамъ ,
 Щобъ неныцѣ що було варышы .
 Зъ другымы жъ дѣпымы винъ не знавсь ,
 И въ грыцца зъ имы не вязавсь :
 Мовь-бы , тобѣ , другого роду ,
 Мовь-бы , кажишь , письменый бувъ !
 А пожь-й про ужыцю нечувъ ;
 И шилькы бь-шо и знавъ , 'що воду! . . .

Було колы якъ розъѣждае , —
 То мапинка поди ёго ,
 Набравшы въ ковшыкъ усёго ,
 Несе къ ёму , и шакъ спѣвае :

„Сынку-сынку, Ивашечку!
 Прыплынь-прыплынь якъ бережку!
 Несу шобъ ѣсты, пышы,
 И хороше походышы. . . “

И опъ лебедонькомъ плыве:
 Цовствъ , ноцье , и мяшь польне
 Такъ все въ обѣднюю годину ,
 Вона кормыла Ивася ;
 Але ! разъ гаспыдська змя
 Назырыла и дышыну :
 Ну мудрувашъ , якъ бы достаашъ ,
 Якъ Ивася бь-шо въ лабешы взяшь . . . ,
 И шупа зъ дуру , нависная ,
 И собъ спѣвашъ якъ машы — ну !
 И всебь-шо пѣсьню шужь одну
 Да голосомъ була не шая :
 Бабуся тонко , геть , спѣва , —
 Вона жъ нибы бугай ревла :

„Сынку-сынку, Ивашечку!

Приплынь, приплынь икъ бережку;
Несу шобъ ѳшы, пышы,
И хороне походышы.

Але, горлыще якъ ни драла,
А Йвашечко не прыпывавъ
Тоди, шобъ захидь не пропавь,
Икъ ковалю помандровала:

„Ковалер-ковалю! мѣшокъ
Жерцій надуй, и голосокъ.
Мыиѣ изкуй, шакый якъ мае
Ивася машы, а не ще,
Якъ разъ да два изъѣиѣ шебе!“ . . .

Коваль за мѣхъ — и надувае,
Клищамы шягне за языкъ,
А молошъ по ёму — дзыгъ-дзыгъ! . . .
И опъ змя худчій икъ рѣщцѣ:
Спѣвае понкымъ голоскомъ,
А Йвась, глянь, и — гребе весломъ. . . .
Попавсь, небижь, якъ мыиѣ въ засѣцѣ! . . .
Тоди изъ нымъ — шарахъ у бирь, —
А въ борѣ шимъ бувъ еи двирь, —

Двирь сей надъ кручею маячывъ;
 Внизу ревѣла, мовь вѣдьмидь,
 Сердыта рѣчка у всю хипь;
 Кругомъ все пуца; пилыкы й бачывъ,
 На одшиби споявь ѳдынъ ѳднымъ,
 Высокій дубъ; а памь, за нымъ,
 Якъ шая гася-проспяглася,
 Лужына шовкова гешь-гешь
 А памь къ будынкамъ спешка-вершь!...
 Куды й внесла змя Ивася.
 Въ ии, мыланочка, дочка,
 Ни даць ни взяць, була шака,
 Якъ Ивашокъ; а ей звалы —
 Оленкою: бо поже й въ змій,
 Ма-бушь, якъ въ нась, е йменныкъ свій...
 Тупь радыцьця зь собою спалы —
 Дочка и машы, якъ звесшы
 Ивася зь свѣша: „Ну, спекшы!“
 Сказала машы свой донць;
 „Гляды мынѣ, помы вернись,
 Щобъ Йвась уже не ворохнись!“ . . .
 Опъ ша ёго й веде къ лопацьцѣ;
 Сажа, а винь и ну бочкомъ,

То догоры, то живошкомъ!
 „О, що бо ты, Ивасю, робышь?
 Мовь, справди, вже сыдѣшь не зна!
 Нащо, шаки, шака мана?
 Нащо, шаки, мене морочышь?
 — „ Да Богъ же Мыну, мынѣ, вбый!
 Колы симъ думавъ я якый
 Глумъ надъ шобою пидійматы!“
 Сказавъ Ивась; „Да що почашъ,
 Що не второпаю сѣдашъ?
 Ипъ чомъ мынѣ не показаты?
 Тоди бѣ, Олесю, й я умѣвъ, —
 Гарнесенько бѣ собѣ сыдѣвъ!
 Олеся жѣ зѣ дуру пупъ и сѣла,
 Вхопывшысь гаряче за рѣчь, —
 А той мерщисе — бурхъ у пичь!
 Опъ машерѣ, побѣ, й вгодыла! . . .
 Йвась пошимъ зѣ хапы, да на дубъ —
 Забравсь, гешъ, въ самый ёго чубъ. . .
 Сыдышь, а ни чычыркъ на гильцѣ. . .
 Колы, осѣ сь лептыть й змѣя, —
 И-прямо пала де мнясьця:
 Такъ склалысь содухы Оленьцѣ! . . .

Наприскавшысь до очкура ,
 Глянь-глянь пидь дуба и чвала . . .
 Роздѣлася ажъ до сорѣчки ,
 И — гайда гвалпомъ на праву !
 Качаецця , якъ шой въ рову ,
 Одъ повной ѳддирвавщысь бочки . . .
 Вона кача , вона валя ,
 Зь собѣю въ голосоь розмовля :

„Покочуся, повалюся,
 Ивасьчыного мясьця наѣвшыся!“

А Ивашокъ изъ верху йй
 Такъ голосокъ й спускае свій:

„Покопыся, повалыся,
 Оленчыного мясьця наѣвшыся!“

Змія слова ёго й почула ;
 Сюды-шуды очмы зорышь —
 Бигъ дасць ! А далъ-зыркъ ! сыдышь !
 Якъ куля къ ёму польнула . . .
 Ну грызты дубъ, кусаць, ревьть . . .

Да ба! Зубамы не звалыць! . . .

Тоди впяць коваля згадала,
Якый ій голасокъ зкувавъ
И якъ Ивася винь піймавъ;
Не гаясь къ ёму почвалала;

„Ковалю - ковалю! злуй зубы
Залъзныи, а мѣдны губы;
А шо, якъ не зкуешъ мынѣ, —
Зпечу тебе въ оцимъ огнѣ!“ . . .

Опяць коваль за ђбценькы, мѣхъ:
Зибравъ челядныкивъ усѣхъ;
Працююць, бѣдны, молапама:
Одынъ - ђдынъ зубъ, другый - другый,
А майстеръ-самый коренный;
Насылу вправымысь зъ зубамы! . . .
И опѣ лешыць, права шумыць;
Ни живь, ни мершвѣ, Ивась сыдыць . . .
Вона грызе, а винь сумуе,
Гада, небижь, якъ бы спасыць,
Якъ зъ гаспыдомъ бы розійшыць,
А шо теперь, навярпямъ, зплюндруе. . . .

Изъ ропу пѣна шакъ и скаче ;
 Надъ головою воронъ кряче ;
 Дывысь — на деревъ повысла ,
 Клубкомъ кругъ ёго обвылась ,
 Якъ ша жабыще надулась . . .
 Опъ половину перегрызла . . .
 Опъ дубъ, глянь, хылыцьця на бикъ....
 Ага, ага ! Ащо ? Чы впикъ ? . . .
 Осё-сь я доберусь до тебе ! . . .
 Вже жъ вѣвсь въ печинкы шы мынѣ !
 Бачъ — побѣлѣвъ !... Ану, къ землѣ !...
 Гибъ миръ ! Мерщій ! Спрыбай видъ себе !“...

Колы , опъ гусы и лешяпъ
 Давай ихъ жалибно прохашъ :
 „Гусы-гусы , гусыняша !
 „Визьмишь мене на крыляша :
 „Несишь мене до башенька ,
 „А въ башенька - ѣспы - пыны
 „И хороше походышы !“ . . .

— „Хай задни,“ — воны гергечушь, —
 „Тебе берушь !“ Винъ къ имъ, а шѣ

Сказали щежъ, що й морщина вонъ,
 Такъ часно й моди намъ лещучи,
 Хочь пронадай шобъ въ бѣды,
 А помочи одъ ихъ не жди!
 Буває Йвасевого-гирше,
 И скыбочкы въ рукахъ нема,
 А кожный по шыягъ займа!
 Одався бѣ чоршу, абы лише!

... Ни! неборакъ нашъ не загнущъ : —
 Ёго задрыпаны вилы,
 Къ опцевъ, мацьцъ понесли ;
 А дубъ объ землю туркъ и гримнувъ! . . .
 Змя къ ёму . . . — эге! Шукай!
 Теперь якъ й звалы — помынай!

— Говорышь, що вона одъ сѣго
 Въ шакій шоди була журьбѣ,
 Що смерть наклыкала соби . . .
 И носе! — хпѣ бажа чужого!
 А Йвасъ до дому прылещьбъ,
 Якъ дядь зъ бабусю дьльць,
 На лавцѣ, сьидя кры вьконьцѣ,

Гарачы зы сыромъ шпрожнѣ;
 Спѣра совала зы пѣць горшны,
 Жалкуючы, що въ хатѣ хлонця,
 Ивашечка, нема шеперь:
 „Де въ Бога винь!“ — „Адег? Умерь!“
 Спаренькый, въ серцець вѣдомляе,
 И зве ии до шпрожнѣ;
 „Ой ии, спарый! Винь жывь!
 Мынѣ серденько промовляе!“
 — „Мы жывь, ны ии! а буць шакый!...
 Даспѣ Бигъ — въ насъ буде и другый!...
 Иды-жъ-иды, щобъ не проспылы!...
 Оце, щобъ, а це мынѣ!...“
 А. Ивась въ вѣкно: „А щезъ мынѣ?“
 — „Що шамъ? —“ „То мышы заню-
 рылы! —“

Але! Що прѣймуцьця дѣльцьця,
 То впяшь Ивась имъ и крычышь.
 „Якъ хочъ, спѣра: мынѣ корпышь;
 „Пишы собѣ ще подывыцьця!“
 И шилькы, що у двери - ныкъ! —
 Пидбявсь зусиль гусыный крыкъ!...

Давай винь пуша ихъ ганяшы . . .
 Колы - гулькь пидь викно! — Ивась!

«Ой сыночку! Де пы узавсь? . . .»

«А мы збиралысь помынашы»

Тушь 'поряду винь розказавъ;
 Въ яку халецу бувъ попавъ,
 Якъ налешълы гусыняпа,
 Якъ винь мольвь себе узашъ,
 Якъ рвалася змя доспашъ,
 И якъ винь сѣвъ имъ на крыляпа . . .
 За сее дѣдъ и баба ихъ
 Глядяць немовъ дыпей своихъ:
 Овесь, пшыныцю, гречкуносяць
 Самы жъ зъ сынкомъ своимъ живуць:
 Кохаюцьця и хлѣбъ жуюць,
 Да посполомъ добро, знай, возяць

П О М Ы Л К Ы .

Напечатано :

А преба :

Стран. стр.

XV	12	густыною	хустыною
XIX	10	зъ кымъ-сь	зъ кымъ-сь
8	12	Царевъ	Цареви
4	20	на печъ	на печи
8	1	по Царевъ	по Цареви
17	13	ничего	ничого
18	12	Послѣдню	Послѣдню
23	3	Пановъ	Панови
27	12	идеть	йдешъ
29	9	на вѣки	навѣкы
31	21	На вѣкы	Навѣкы
37	3	Нашъ	Нашъ
38	3	въ ковшыкъ	въ кошыкъ
44	6	половину	половыну
45	11	Къ опцевъ	Къ онцеви

